

АФРИКА БОРЕТСЯ

ливал борьбу против империалистов. Был разрушен нефтепровод в районе Хувейджа близ Киркука, разгромлены здания английского консульства в Киркуке и английского Бюро сведений; в жилые дома англичан и их клубы, в дома приближенных и помощников Нури Саида летели бомбы.

Изобретательность народа в проявлении своей ненависти к правительству была неисчерпаемой. Утром 1 января 1957 года жители города Аль-Азимиya увидели облезлую, большую чесоткой собаку, покрытую белым куском материи, на котором были написаны следующие слова: «Я гораздо лучше, чем Нури Саид».

А 1 февраля 1957 года каждый проходивший по улице ар-Рашид встречал медленно бредущего осла, на спине которого была сделана надпись: «Я и мои родственники поддерживаем твою справедливую политику. Да благословит тебя Аллах!» (Этот факт является одним из примеров реакции народа на телеграмму, присланную Нури Саиду группой феодалов, одобрявших его политику.)

В конце книги авторы дают подробный анализ истории освободительного движения в Ираке. Они пишут, что волнения охватывали все большую территорию, что они все теснее связывались и взаимодействовали с освободительным движением против империализма и войны на всем Арабском Востоке. Говоря о результатах восстаний 1956 года, авторы делают вывод, что эти события помешали Багдадскому блоку выступить против Египта и Сирии.

Свою книгу авторы заканчивают вогрсом об итогах этих событий в Ираке и о перспективах борьбы иракского народа: «Что же в конце концов, кончилась ли революция?» И сами же отвечают: «Тот, кто изучает национальное движение в Ираке, ни на минуту не усомнится, что иракский народ не прекратил борьбу и что наступит день, когда все увидят плоды этой борьбы».

Значение книги не исчерпывается изложением исторических событий в Ираке 1956 года и определением связи между внутренними и международными причинами этих событий, точным научным анализом их хода. Важность этой книги заключается и в том, что она знакомит мировое общественное мнение, и особенно арабский мир, с борьбой иракского народа, с его революционными традициями, стремлениями и чувствами, с его верой в справедливость своего дела. И нет сомнения в том, что эта книга сыграла свою положительную роль в воспитании политической сознательности народа, который добился победы 14 июля 1958 года.

АЛЪЯС ДАУД АЛЬ-БАДРИ

Doris Lessing. Going home, London, 1957, 256 pp.

Дорис Лессинг. Возвращение домой, Лондон, 1957, 256 стр.

Представьте себе Булавайо — город в Южной Родезии — и кафе на одной из его улиц. За столиками — несколько европейцев. Открывается дверь, и в кафе появляется группа новых посетителей — смуглых, с лицами темно-оливкового цвета. Человек, только что приехавший в Родезию или долго отсутствовавший, облегченно вздыхает: да, времена меняются, наконец-то и африканцам разрешили сидеть вместе с белыми. А несколько минут спустя входит еще один посетитель и направляется к незанятому столику. В то же мгновение из-за стойки раздается голос хозяйки: «Ведь ты же знаешь, что таким, как ты, здесь делать нечего». — и человек покидает кафе. Но как же те, смуглолицые? Или они... Да, они не африканцы. Кажется, это были итальянцы...

Этот случай описан в книге английской писательницы Дорис Лессинг, выросшей в Южной Родезии. Через 18 лет она решила побывать на родине.

В книге, которую писательница назвала «Возвращение домой», нет главного героя. Перед читателем проходят десятки встреч с людьми, разные города и селения Северной и Южной Родезии и Ньясаленда. Читая это произведение, представляешь себе «простых, гостеприимных, добродушных, лукавых, словом, самых обычных земных людей», коренных обитателей «черного континента».

В Федерации (обеих Родезиях и Ньясаленде) живут миллионы африканцев и лишь небольшая кучка белых. Расовой сегрегацией поражен весь организм страны — к такому выводу приходит писательница.

...Маленький магазинчик. Несколько африканцев терпеливо ждут своей очереди. Входит белая покупательница. Она пришла позже, но... «Вы что, не видите, перед вами белая леди, отойдите прочь!» — грубо кричит продавец. И это буквально на каждом шагу.

Расовая дискриминация находит свое выражение и в оплате труда негритянского населения. В Южной Родезии африканец зарабатывает в месяц около 3—4 фунтов стерлингов. Если к этому добавить скудное пропитание, идущее за счет хозяи-

на, то общий расход на человека составит 5—6 фунтов в месяц. Белый же получает от 70 до 80 фунтов в месяц. В индустриальном центре Федерации — на рудниках Медного пояса — разница в оплате труда белых и черных рабочих еще больше.

Белые чиновники любят поговорить о том, что после 1953 года, когда обе Родезии и Ньясаленд объединились в Федерацию, жизнь коренного населения изменилась к лучшему. «Там, где нет белой администрации, африканцы живут гораздо хуже», — говорят они. «Негры живут сейчас прекрасно» — заявил писательнице один английский предприниматель. — им оплачивают жилье, все для них делают, а они недовольны и неблагодарны». Судьба этого чиновника — типичный пример того, как на тучной африканской земле, политой потом и кровью чернокожих, пышно расцветают пришлое дельцы. Когда он приехал сюда, рассказывает Лессинг, весь его капитал сводился, пожалуй, к единственному костюму. Но прошло несколько лет, и этот чиновник стал владельцем магазинов, ферм, предприятий. И поэтому... «Смотрите, как прекрасно устроились мои негры!» — восклицает он.

«На паре акров (речь идет как раз о ферме этого хозяина. — Е. М.) чуть ли не друг на друге сгрудилось более сотни маленьких глиняных лагуч, кое-как прикрытых соломой. Внутри любой из них очень сыро, пол — голая земля, на ней — рваные одеяла. Жалкая кухонная утварь, на гвоздях — лохмотья одежды. ...Вокруг жилья, всюду, где можно, растет маис. Домишки настолько малы и низки, что взрослому человеку выпрямиться в них во весь рост невозможно. ...Здесь, среди лагуч, стоит железная постройка — единственный источник водоснабжения сотен людей. Обычная картина: женщины и дети, столпившиеся у нее, терпеливо ждут своей очереди... Я и раньше видела скверные жилища, но такие отвратительные — впервые», — отмечает автор.

И подобных поселений — сотни. Они называются по-разному — «локации», «резерваты», но от изменения названия их обита-

телям не легче. Некоторые поселки отличаются более или менее сносными условиями жизни, там даже можно увидеть кирпичные строения; их охотно показывают приезжим — вот мол, что делает белая цивилизация для «дикарей». Но есть такие места, как, например, в районе города Гвело, где гид испуганно схватит вас за руку и скажет: «Там живут плохие люди, туда ходить нельзя, их никогда никому не показывают».

И если посторонние все-таки могут побывать в «черных локациях», то тамошним обитателям гораздо труднее выбраться на волю. На пути африканца — хитроумная и сложная система пропусков. Покидая резерват, африканец должен иметь при себе целый набор пропусков.

«Ежегодно тысячи африканцев попадают в тюрьмы и подвергаются штрафам только за то, что при них не оказалось пропуска», — пишет Лессинг. Впрочем, некоторым состоятельным местным жителям власти разрешают выходить за пределы поселения и без пропусков. Но эти привилегии — тот же цветной барьер, тот же девиз «разделяй и властвуй»: просто в данном случае колониальное законодательство поступает в духе бывшего премьера Федерации, лорда Малверна, который говорил: «Белые должны создать класс привилегированных черных в качестве бастиона против возмущения масс».

...Пропуска, сегрегация, фермы-тюрьмы, дискриминация африканцев в промышленности — вся эта система представляет собой изобретение белых, изобретение, финансируемое английским и американским капиталом, сообщает автор. А иностранные вложения в Центральной Африке огромны. Достаточно сказать о рудниках Медного пояса. Они принадлежат двум компаниям — в одной господствует английский капитал, а другая — «Траст Родезия» — существует на американские деньги. Между этими хищниками идет гонимая, причем американцы постепенно вытесняют своих соперников. А соперничать есть из-за чего: ежегодный доход медных рудников составляет 50 миллионов фунтов стерлингов. Из них львиная доля оседает в сейфах иностранных пайщиков.

И до чего же мизерны в сравнении с этими колоссальными барышами затраты на нужды африканцев, в особенности на образование! Дорис Лессинг описывает, как проходили занятия в одной сельской школе. Те же мальчики и девочки, которые днем работают на полях, в рваных платьях, засаленных брюках, босые, собираются к вечеру в углу сарая, чтобы в течение двух часов поучиться грамоте. Книжек нет, за них нужно платить деньги; камеш-

ки-голыши — для счета и несколько страниц из букваря — вот и все учебные пособия. И тем не менее учитель-африканец не может нахвалиться своими учениками: они понятливы, дружны, учатся с огромной охотой. А ведь ребята очень устали за день. Она специально интересовалась тем, как работают дети, и пришла к выводу, что «детский труд широко используется на фермах».

Дорис Лессинг разговаривала с ребятами старшего возраста, живущими в районе Булавайо. И вот что рассказали ей дети. Встают они в пять утра; проглотив кусок хлеба, отправляются пешком на работу — на текстильную фабрику, а до нее пять миль. Рабочий день — с семи утра до пяти вечера, с получасовым перерывом. (Неделя такого труда приносит им 1 фунт 5 шиллингов, в 15 раз меньше заработка белого!) Вечером — занятия. И так в течение нескольких лет. Знакомый учитель говорил Лессинг, что определенная часть белых юношей и девушек африканских городов очень подвержена влиянию американских фильмов-комиксов. В голове у них одни развлечения, а бедные африканцы, прибавил он с грустью, лезут вон из кожи, чтобы получить знания.

«Африканцам не нужны знания, а если они и стремятся к ним, то лишь с одной целью — побольше заработать», — говорят белые администраторы. Эту идею они настойчиво проводят в жизнь. Возвращаясь из резервата близ города Солсбери (этот резерват отличается сравнительно приличными условиями, поэтому въезд в него разрешен), писательница спросила у одного чиновника, есть ли в резервате библиотека. «Нет, конечно», — был ответ. Здесь не читают газет и книг, здесь нет электричества, телефона, водопровода, врача. Каковы же тогда условия в «обыкновенных» резерватах, которых большинство!

Лишая африканское население книг, белые хозяева не отказывают ему в других «культурных» развлечениях. Дорис Лессинг довелось присутствовать на одном из них. Показывали фильм, разумеется, американский, об очередных похождениях какого-то супермена, со множеством потасовок, прыжками между небоскребами и похищениями блондинок. А после фильма зрители разошлись по своим сырым и грязным лачугам.

Представители белых властей Федерации прилагают все силы к тому, чтобы оставить африканцев в невежестве, лишив их образования. Но тщетно! «Вспоминая о том презрении со стороны белых, которое вечно давит на африканцев, вспоминая о том, что белые не называют тружеников этой страны иначе, как

тунеядцами, невеждами, животными, я повторяю, — пишет Лессинг, — что самое замечательное из всего увиденного за время поездки по Африке — это борьба негров за знания. Как прекрасны люди, тяжело работающие днем и упорно занимающиеся вечерами, чтобы сбросить пелену невежества. Я повторяю: это талантливый народ, одаренный народ. И подобно самой Африке, богатейшей стране, таящей в своих недрах несметные богатства, африканцы напоминают гиганта, еще не вполне осознающего свою мощь».

Лучшие люди Африки ведут борьбу за свои права. Президент Совета профсоюзов Северной Родезии Диксон Конкола рассказал Лессинг о том, как он попал в тюрьму: «Я говорил своему народу правду о Федерации — вот в чем была моя вина». Даже за тюремной решеткой, вспоминал Конкола, черная кожа низводит человека на самое дно. Для белых заключенных — лучшая пища, с ними лучше обращение. «Когда я обнаружил, что цвет кожи важен даже в тюрьме, то до конца понял, что такое несправедливость», — заключает он.

Одна из глав книги посвящена описанию забастовки рабочих-африканцев города Булавайо — первой забастовки в Южной Родезии. Участники ее выступили дружно и сплоченно. В их среде не было штрейкбрехеров, а белые рабочие, не принимавшие участия в этой забастовке, относились к ней сочувственно. Сознание людей растет. В стране бурлят неведомые еще вчера силы — вот что показала забастовка. Но, пожалуй, лучше всего говорит об этом судьба простого африканца, Самсона Мучжани.

Он пришел в Булавайо давно, совсем молодым. Всю жизнь работал на белых, уважая их многочисленные «табу», и больше всего хотел, чтоб его оставили в покое. Мучжани был уже совсем стар, когда началась забастовка. Забастовщикам нужно было помещение для совещания, и Самсон отдал им свой дом. В комнату ворвалась полиция, и, хотя люди успели скрыться, улики были против Мучжани. Его били, но он никого не выдал и умер от ударов полицейских, умер так же тихо и просто, как и жил.

Случай со старым африканцем красноречив. Времена меняются, говорит книга Дорис Лессинг. На смену убитому встают его дети — не только сыновья и дочери, но и тысячи других сыновей Африки. И чем скорее они вернут себе свою родину, тем будет лучше, пишет автор.

Е. МАКАРОВ